

УДК 94(44).03:=03.133.1

П. Альвацци дель Фратте

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ И «ДРЕВО ПРАВОСУДИЯ»: РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ «УДЕРЖАННОМ ПРАВОСУДИИ»* ПРИ СТАРОМ ПОРЯДКЕ¹

В статье анализируется функция «удержанного правосудия» во Франции при Старом порядке, которое король оставлял за собой, уступив и делегировав значительную часть своих полномочий сеньорам или должностным лицам. Французский юрист XVI в. Шарль де Фигон показал схему управления французским государством, используя образ дерева, однако в своей схеме он не отразил реально существовавшей системы правосудия, а стремился подчеркнуть преимущества его организации в абсолютистском духе. Благодаря теории «удержанного правосудия», король как верховный судья мог законно изменять решения судов, использовать право на эвокацию и созыв экстраординарных комиссий, что часто использовалось в политических целях, становясь причиной недовольства и критики.

Ключевые слова: Франция, Старый порядок, правосудие, судебная система, государственные институты, абсолютизм, юридическая культура, образ дерева.

Профессор Эммануэль Ле Руа Ладюри, без сомнения, если можно так выразиться, – историк «в полном смысле этого слова»,

* Термин «justice retenue» подразумевает право короля забрать дело на рассмотрение в суде вышестоящей инстанции, либо в суде, специально назначаемом королем. Существуют разные традиции перевода этого термина. Н.А. Хачатурян и С.К. Цатурова используют выражение «удержанное правосудие» (*Цатурова С.К. Священная миссия короля-судии, ее вершители и статус во Франции XIV–XV вв. // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти. М., 2006, С. 78–95*), руководствуясь буквальным значением глагола «retenir», в то время как правовед С.В. Боботов переводит его как «собственное правосудие» (*Боботов С.В. Правосудие во Франции. М., 1994*). Авторы перевода также предлагают в качестве варианта «изымаемое» правосудие, поскольку, не выпадая из семантического поля глагола «retenir», оно более точно отражает то, что король «активизирует» свое право на отправление правосудия, до этого переданного или уступленного им другим лицам (*примеч. пер.*).

¹ Доклад был сделан на конференции в честь юбилея Э. Ле Руа Ладюри «Histoire, écologie et anthropologie: trois générations face à l'oeuvre de Emmanuel Le Roy Ladurie» (Paris, Fondation Singer-Polignac, 15–16 janvier 2010).

одаренный «эkleктической» любознательностью. Его научные изыскания охватывают историю общества, культуры, экономики, политики, климата и окружающей среды. Было бы невозможно назвать все интересующие его области и не забыть о каких-нибудь важных аспектах его трудов. На первый взгляд, право не являлось одной из тем, которые Э. Ле Руа Ладюри изучал наиболее глубоко. Я сказал «на первый взгляд», так как на самом деле право и сведения из области права в его работах рассматриваются как существенная и глубокая часть «территории» историка. Можно вспомнить исследование «Системы кутюмов» в первом томе «Территории историка», в котором Э. Ле Руа Ладюри, опираясь на работы выдающегося историка права Ж. Ивера, рассматривает положения французских кутюмов по вопросу о разделе наследства.

Более того, в трудах Э. Ле Руа Ладюри доктрина, язык права и правовые институты используются в качестве исторических источников с той способностью к соединению знаний и разрушению границ между дисциплинами, которая свойственна только великим историкам. Таким образом, право получает возможность выйти из немного искусственной изоляции, в которой оно обычно находилось, чтобы обогатить инструментарий, которым пользуются для работы историк-исследователь.

Слишком четкое разделение между «историей» (имеется в виду история, написанная историками) и «историей права» (историей, написанной юристами) всегда вредит культуре и научным исследованиям. Это риск создать, с одной стороны, историков, которые мало интересуются правовыми вопросами, и, с другой стороны, юристов, мало заботящихся о том, чтобы вписать представления юридической науки в общий контекст социальной истории. Работы Э. Ле Руа Ладюри благодаря его живому интересу к праву и способности освоить его язык и базовые понятия, напротив, показывают нам возможность достичь гармонии между социальными, экономическими и правовыми аспектами в историческом исследовании.

* * *

Мы постараемся развить некоторые размышления о роли короля Франции в качестве верховного судьи, осуществляющего «удержанное правосудие» при Старом порядке. Основой для нашего размышления, главным образом, стала статья «Древо пра-

восудия: схема управления государством в XVI в.» 1985 г.², обобщающие труды «L'État Royal» 1987 г.³, «Старый порядок» (в 2 томах) 1991 г. и «Сен-Симон или система двора» 1997 г.⁴

Созданный юристом XVI в. Шарлем де Фигоном красивый символический образ древа правосудия, которому Э. Ле Руа Ладюри уделил большое внимание в своих работах, может стать отправной точкой исследования⁵.

Труд Шарля де Фигона «Трактат об учреждениях и должностях управления, правосудия и финансов во Франции» был опубликован в Париже в 1579 г. издателем Гийомом Овре⁶. Образ древа, вокруг которого Шарль де Фигон выстраивает свой текст, был призван показать схему управления французским государством (ил. 1). Стоит напомнить, что термину «правосудие» приписывается очень широкое значение, включающее в себя одновременно суд, управление и финансы⁷.

Книга Фигона оригинальна, так как, по словам Э. Ле Руа Ладюри, он «построил схему государства, беспрецедентную в истории Франции этого и чуть более позднего времени», и «обращается к внутренним государственным структурам»⁸.

² *Le Roy Ladurie E. L'arbre de justice: un organigramme de l'État au XVIe siècle // Revue de la Bibliothèque Nationale. P., 1985. Vol. 5, № 18. P. 18–35.*

³ *Le Roy Ladurie E. L'État Royal de Louis XI à Henri IV (1460–1610). P., 1987* (в русском переводе: *Ле Руа Ладюри Э. Королевская Франция (1460–1610) от Людовика XI до Генриха IV / Пер. с фр. Е.Н. Корендясова и В.А. Павлова. М., 2004. (Примеч. пер.)*); *Idem. L'Ancien Régime de Louis XIII à Louis XV, 1610–1770. P., 1991. 2 vol.*

⁴ *Idem. Saint-Simon ou le système de la cour. P., 1997* (avec la collaboration de J.-P. Fitou).

⁵ У нас очень мало информации о биографии Ш. Фигона – *Cassan M. Figon, Charles de // Dictionnaire historique des juristes français / Dir. de P. Arabeyre, J.-L. Halpérin, J. Krynen. P., 2007. P. 330–331.*

⁶ *Discours des estats et offices, tant du gouvernement que de la justice et des finances de France, contenant une briefve description de l'auctorité, jurisdiction et cognoissance et de la charge particulière d'un chacun d'iceux, par Charles de Figon, conseiller du Roy et maistre ordinaire en la Chambre des Comptes seant à Montpeiller. P.: Guillaume Auvray, 1579* (Bibliothèque Nationale de France. 8.LF3.7). (Н.И. Алтухова предлагает другой перевод названия: «Размышления о сословиях и должностях, как управления, так и правосудия и финансов Франции» – *Алтухова Н.И. Продажа должностей во Франции в свете «Инвентаря квитанций на должности» 1578 г. // Средние века. М., 2008. Вып. 69 (2). С. 59–76. (Примеч. пер.)*)

⁷ Ср.: *Costa P. Iurisdicchio: Semantica del potere politico nella pubblicistica medievale. Milan, 1969* и *Caravale M. Ordinamenti giuridici dell'Europa medievale. Bologna, 1994. P. 524.*

⁸ *Le Roy Ladurie E. L'État royal. P. 334.*

* * *

Использование образа дерева не было новым для XVI в., этот образ был обычным для юридической культуры и философии Средних веков. Начиная с древа Порфирия (*Arbor porphyriana*) в работе этого греческого философа III в. н.э. «Введение к “Категориям” Аристотеля» («Исагог»), которая была переведена на латынь Боэцием между V и VI вв., образ древа стал привычным повсюду в Европе. Очевидно, что он прекрасно воспроизводил диалектический метод, и этим можно объяснить распространение этого образа в Средние века.

Юристы-гlossаторы XI и XII вв. разработали теорию о дереве как символе метода, основанного на «делении» понятий (дистинкциях, *Distinctio*) и на «подразделении» (*Subdistinctio*) принципов и правовых учреждений. Этот метод определял «роды» (*Genus*), чтобы подразделить их на ряды «видов» (*Species*), которым соответствовали ветви древа. Это логическое движение заканчивалось самыми простыми видами (*Species infima*), т.е. наиболее простым принципом, который можно себе представить.

Средневековые юристы очень часто использовали древо в формах древа юрисдикций (*Arbor jurisdictionum*), древа права (*Arbor juris*), древа родства (*Arbor civilis et consanguinitatis*), древа свойства (*Arbor affinitatis*), древа фьефов (*Arbor Feudorum*) и т.д. Но самое большое распространение благодаря итальянскому юристу XII в. Джованни Бассиано (по-латыни *Bazianus*)⁹ получило «дерево исков» (*Arbor actionum*). Следует отметить, что в процессуальном праве система «делений», введенная «древом исков», оказалась особенно эффективной¹⁰.

В философии также была широко распространена идея древа науки (*Arbor scientiae*). На рубеже XIII и XIV вв. каталонский философ Раймонд Луллий (1232–1316) в своей работе «Дерево науки» (*Arbor scientiae*, издана в Лионе в 1515 г. Франсуа Фраде-ном) разработал теорию образа дерева как описательной системы природной, человеческой и культурной действительности¹¹. Луллий представил логический ряд деревьев: древо частиц (*Arbor*

⁹ Ср.: *Gualazzini U.* Bassiano, Giovanni // *Dizionario biografico degli Italiani*. Rome, 1965. T. VII. P. 140–142.

¹⁰ Ср. с замечательным исследованием на эту тему: *Errera A.* *Arbor actionum: Genere letterario e forma di classificazione delle azioni nella dottrina dei glossatori*. Bologne, 1995.

¹¹ Ср. также: *Arbor scientiae: der Baum des Wissens von Ramon Lull: Akten des Internationalen Kongresses aus Anlass des 40-jährigen Jubiläums des Raimundus-*

elementalis), древо растений (*Arbor vegetalis*), древо чувств (*Arbor sensualis*), древо представлений (*Arbor imaginalis*), древо человеческих качеств (*Arbor humanalis*), древо нравов (*Arbor moralis*), древо властей (*Arbor imperialis*), древо апостолов (*Arbor apostocalis*), древо небес (*Arbor celestalis*), древо ангелов (*Arbor angelicalis*), древо вечного (*Arbor aeviternalis*), древо Богородицы (*Arbor maternalis*), древо божественного и человеческого (*Arbor divinalis et humanalis*), древо божественного (*Arbor divinalis*), древо знаний (*Arbor exemplificalis*), древо вопросов (*Arbor questionalis*).

Образ древа удобен для юристов. Прежде всего, оно имеет дидактическую целенаправленность, так как позволяет показать на одном рисунке все разделения и взаимосвязи, которые характеризуют определенную ветвь права. Несомненно, он подходит для проведения систематизации, сведения к единому (*reductio ad unum*) и построения порядка знаний, типичных для средневековой культуры. Действительно, даже названия юридических работ того периода содержат термины «порядок» (*Ordo*), «система» (*Systema*), сумма (*Summa*) и т.д. Беспорядок повседневной действительности обуславливал интеллектуальный поиск порядка и простоты. Доктрина описывала право через «ряды слов или понятий, представленных парами с прямо противоположным значением, и с помощью метода противоположностей (*mode alternative*) (или... или): общественный/частный, общий/особенный, общий/отдельный, абсолютный/относительный». Как показал Жан-Мари Карбасс, «сочетая многочисленные уровни (делений и подразделений), средневековые юристы выработали то, что они называли “деревьями”... Самые сложные из этих “деревьев” имели отношение к судебному процессу: это были древа исков (*Arbores actionum*)»¹².

С этой точки зрения следует подчеркнуть большое влияние, оказанное в XVI в. французским философом Петром Рамусом

Lullus-Institut der Universität Freiburg i. Br. / Dir. de Fernando Domínguez Reboiras, Pere Villalba Varneda et Peter Walter. Turnhout, 2002.

¹² «В школах ученикам велели учить списки слов или понятий, представленные парами с прямо противоположным значением и с помощью метода противоположностей (или... или): общественный/частный, общий/особенный, общий/отдельный, абсолютный/относительный, подвижный/неподвижный, отцовский/материнский, собственный/приобретенный и т.д. Это были знаменитые деления... Именно эта старинная практика систематического деления, объясняет постоянную склонность юристов к использованию дихотомии, при помощи которой можно удобно представить сложный юридический процесс» – *Carbasse J.-M. Introduction historique au droit*. P., 1998. P. 160–161.

(Petrus Ramus, 1515–1572), который постоянно использовал термин и образ дерева, чтобы схематизировать процесс рассуждений в своих трактатах¹³.

* * *

В Средние века дерево традиционно представляло правосудие. Достаточно вспомнить классический для французской монархии образ Людовика Святого, который вершил суд под дубом в Венсеннском лесу¹⁴. Повсюду во Франции в городах и даже в деревнях были «деревья правосудия»: дубы, вязы или липы, которые символизировали силу, долголетие и стабильность, укорененные в земле. Речь шла о характеристиках правосудия, значение которых подчеркивалось символически.

Древо соответствовало также образу «органической системы», залогом целостности которой являлся каждый из элементов структуры. Таким образом, правосудие основывалось на настоящем правовом «теле», состоящем из ряда весьма разнородных судебных инстанций.

Изображение дерева прославляло концепцию правосудия как власти-юрисдикции (*Jurisdictio*), синонима верховной власти-империи (*Imperium*) в римской традиции: долгом правителя была обязанность вершить правосудие, соответствующая принципу *Suum cuique tribuere* (воздавать каждому свое) римского права.

¹³ Ср.: *Bruyère N. Méthode et dialectique dans l'œuvre de La Ramée: Renaissance et âge classique*. P., 1984; *Feingold M., Freedman J.S. et Rother W. The influence of Petrus Ramus: Studies in Sixteenth and Seventeenth century philosophy and sciences*. Basel, 2001.

¹⁴ Жан де Жуанвиль в Гл. XII «Истории Людовика Святого» сообщает: «Много раз случалось так, что летом после мессы он отправлялся в Венсеннский лес и садился у дуба, и мы садились вокруг него. И все, у кого было какое-либо дело, приходили рассказать ему, и им не мешали ни приставы, ни другие люди. И тогда он сам спрашивал их: “По какому делу здесь присутствуют обе стороны?” И когда таковые объявлялись, он говорил: “Молчите все, и мы быстро вас рассудим”. И тогда он звал монсеньора Пьера де Фонтена и монсеньора Жоффруа де Виллета и говорил одному из них: “Разберитесь-ка с этими тяжущимися”. И когда он видел что-то, что можно было поправить в словах тех, кто говорил от имени истца, или в словах тех, кто говорил от имени ответчика, он сам их исправлял» – *Joinville J. Œuvres de Jean Sire de Joinville*. P., 1867. P. 41. Ср.: *Olivier-Martin F. Histoire du droit français des origines à la Révolution*. P., 1948. P. 215–216; *Villers R. La justice retenue en France: Cours d'histoire des institutions politiques et administratives du Moyen âge et des temps modernes (1969–1970)*. P., 1970. P. 103; *Lebigre A. La justice du Roi: La vie judiciaire dans l'ancienne France*. P., 1988. P. 13 и след.

Система, описанная Фигоном, была системой судебного государства (*État de justice*), и древо, в первую очередь, подчеркивало единство судебной власти, представленной королем и его канцлером. Древо должно было символизировать естественность правосудия и его организации в абсолютистском духе в противовес идее «смешанной монархии».

Слева на Древе Фигона располагался комплекс курий и судебных трибуналов (Парламенты – бальяжи и сенешальства – сеньориальные суды), справа – финансовые должности. Очевидно, что изображение Фигона наглядно показывало божественное происхождение и неделимость судебной власти короля – власти, которую он не делил ни с кем.

Следует отметить, что в этом образе отсутствуют Генеральные Штаты. Это может объясняться абсолютистской концепцией Фигона, призванной ограничить роль представительных собраний. С другой стороны, разделение между тремя формами правосудия: уступленной, делегированной и удержанной – еще не было четким, оно стало таким, главным образом, благодаря развитию правовой доктрины в XVII и XVIII вв.

Можно заключить, что подход Фигона был скорее идеологическим, чем юридическим. Фигон продемонстрировал свое желание отвергнуть все формы народного представительства ради превознесения королевской власти. Концентрируя функции удержанного правосудия в Королевском Совете и Большом Совете – последний считался главным Верховным Судом королевства – Фигон, очевидно, стремился к ограничению власти Парижского Парламента.

* * *

Основной задачей произведения Фигона было показать ответвление всех властей от ствола монархии: «Нет ни одного из всех этих должностных лиц от самого важного до самого мелкого, который не зависел бы от власти короля и его суверенного величия. Оно является основной причиной создания, учреждения и основания всех этих магистратов, а также списка их должностей»¹⁵.

Речь идет о глубоко укоренившейся во французской правовой культуре концепции (все правосудие исходит от короля), которая оказалась определяющей для укрепления абсолютной власти мо-

¹⁵ Au lecteur // Figon C. Discours des Etats et Offices, tant du gouvernement que de la justice & des finances de France. P., 1579. P. 3.

нархии. И феномен упадка «сеньориальных судов» в пользу королевского правосудия – благодаря развитию практики выделения категории преступлений, подлежащих королевскому суду – «королевских дел» (*cas royaux*), юрисдикции над «королевскими буржуа», использования права «перехвата» дел (*prévention*), «специальных поручений» (*commissions*) и «эвокации» (*évoqueries*), истребования дел вышестоящим судом, – следует рассматривать в этом контексте.

Прежде всего следует напомнить, что судебная система при Старом порядке была очень сложной и, иногда, непоследовательной и противоречивой. Юрист XVIII в. Пьер Жак Брийон утверждал в «Словаре юриспруденции»: «Нет ничего более сложного, чем точно описать состояние судебных учреждений во Франции; бесспорно определить территорию их юрисдикции, их функции, их состав. Сословия, города, законодательство, администрация, правосудие – все имеет слабое основание, прогрессирует медленно и едва различимо; взятые вместе одни элементы поддерживают другие, но есть ли порядок?»¹⁶

Несомненно, ясный и совершенный порядок, описанный Фигоном и другими юристами XVI и XVII вв. с помощью образа древа правосудия, был фикцией, порожденной именно неопределенностью и отсутствием порядка и рациональности в судебной системе. В связи с этим символ древа правосудия кажется скорее пожеланием или теоретической конструкцией, чем реальностью Франции Старого порядка.

Король Франции единодушно рассматривался в первую очередь как верховный судья и «источник правосудия», так как – повторяла традиционная формула – «осуществление правосудия является первым долгом королей». По словам Жана Бодена, «все древние и мудрые политики соглашались с тем, что короли всегда утверждались не для чего иного, как чтобы вершить правосудие... следовательно, настоящая наука для правителя заключается в том, чтобы судить свой народ»¹⁷. Во время заседания Генеральных Штатов в Орлеане в 1560 г. канцлер Мишель де Л'опиталь также объявил: «Короли были выбраны, прежде всего, чтобы вершить правосудие, и деянием, наиболее достойным короля, является не столько война, сколько отправление правосудия... Также и на печати Франции находится отпечаток фигуры короля не в доспехах и

¹⁶ Brillon P.J. Dictionnaire de jurisprudence et des Arrêts. Lyon, 1783. Vol. III. P. 4.

¹⁷ Bodin J. Les six livres de la République (1576). I. IV, ch. 6. P., 1583. P. 610–611.

на лошади, как во многих других странах, а сидящего на королевском троне, отправляющего и свершающего правосудие»¹⁸.

Можно также привести слова Пьера де Ломо, который утверждал в начале XVII в.: «Бог является самой справедливостью (*justice*) и истиной... Король Франции правит от Бога, так как он вершит правосудие, что является главным отличительным признаком королей, которые поставлены именно для того, чтобы отправлять правосудие. Поскольку короли не могут лично осуществлять правосудие в отношении всех подданных, они в первую очередь передают его своим сеньорам-вассалам, а сеньоры передают его своим доверенным людям. Таким образом, право суда, которым обладают сеньоры во Франции, проистекает от короля... Но, когда короли Франции уступали юрисдикцию сеньорам, они всегда сохраняли за собой право на “королевские дела” и верховную юрисдикцию»¹⁹.

Как утверждал Жан-Пьер Ройе, «Венсеннский дуб символизирует важнейшие связи, которые никогда не разделяли власть и правосудие... *jurisdictio* и *impetium*, [король] является совершенным государем, если он – государь-судья, обладающий прерогативой лично вершить суд, и всегда хранящий ее»²⁰.

Еще в XVIII в. юристы могли считать королей «отправляющими правосудие во всей его полноте», так как они являются «прежде всего судьями»²¹. «Этот судебный порядок, – заключает Брийон, – может сохраняться в той мере, в какой трон продолжает считаться источником света, лучи которого, проходя круг за кругом, проникают везде: если они пересекаются, затемняются или отклоняются, начинается судебная анархия – самая губительная из всех»²².

* * *

При Старом порядке правосудие осуществлялось сеньориальными судами на основании уступок суверена («уступленное правосудие» (*justice concédée*)) или делегированными оффисье («делегированное правосудие» (*justice déléguée*)), или даже по-прежнему непосредственно королем («удержанное правосудие»).

¹⁸ *L'Hospital M. de. Discours pour la majorité de Charles IX et trois autres discours / Présentation de R. Descimon. P., 1993. P. 74.*

¹⁹ *L'Hommeau P. de. Les maximes generales du droict françois. 3e éd. Rouen, 1614. P. 13–14.*

²⁰ *Royer J.-P. Histoire de la justice en France de la monarchie absolue à la République. P., 1995. P. 23. Cp.: Krynen J. L'état de justice: France, XIIIe–XXe siècle. P., 2009. Vol. I: L'idéologie de la magistrature ancienne.*

²¹ *Brillon P. J. Dictionnaire... Vol. III. P. 3.*

²² *Ibid. P. 5.*

дие» (*justice retenue*)²³. Последнее оставалось «лично за королем, за исключением тех случаев, когда он допускает изъятие из своей юрисдикции в пользу церкви или сеньоров, а также когда он делегирует правосудие своим должностным лицам»²⁴.

Благодаря теории «удержанного правосудия», король мог изменять решения того или иного суда; осудить или изгнать кого-либо непосредственно по своей воле и без судебного разбирательства с помощью письменного приказа (*lettre de cachet*). Более того, он мог отобрать право на процесс по какому-то делу у правомочных судебных учреждений и передать его в свой Совет («эвoкация») или производить суд при помощи специально назначенных для этого комиссаров (получающих специальные поручения, «комиссии»), создавая новые суды, такие как «экстраординарные комиссии» или «палаты правосудия». Это были экстраординарные суды по уголовным делам, учреждаемые в связи с необходимостью вынесения специфического решения и составленные из судей, от которых нельзя было ожидать никакой беспристрастности²⁵. Отсутствие гарантии обеспечения защиты, да и сами качества судей, выбираемых сувереном, как правило, чтобы добиться осуждения обвиняемых, делали эти комиссии очень эффективным инструментом политической борьбы. Речь шла об изменении судебного порядка и иерархии, призванном изъять подсудимых у ординарных судей (*officiers*), и передать право на вынесение решения экстраординарным судьям (*commissaires*)²⁶. Это ставило проблему как политического, так и юридического характера, которая побудила юристов теоретически обосновать обязанность

²³ См.: *Sueur Ph. Histoire du droit public français XVe–XVIIIe siècle. P., 1989. Vol. II.*

²⁴ *Villers R. La justice retenue... P. 95.*

²⁵ Об истории правосудия при Старом порядке см. фундаментальную работу: *Royer J.-P. Histoire de la justice en France de la monarchie absolue à la République. P., 1995 (2-е изд. – 1996)* и указанную там библиографию; об уголовном праве см.: *Carbasse J.-M. Introduction historique au droit pénal. P., 1990* и *Martignat R. Histoire du droit pénal. P., 1998*. Об «удержанном правосудии» см.: *Bastid P. La justice politique: Cours de droit constitutionnel comparé, 1956/57. P., 1967*; *Villers R. La justice retenue...; Alvazzi del Frate P. La 'justice par commissaires': Les conflits de juridictions et le principe du juge naturel sous l'Ancien Régime // Crises. 1994. N 4. P. 53–59.*

²⁶ Ср.: *Alvazzi del Frate P. Il giudice naturale: Prassi e dottrina in Francia dall'Ancien Régime alla Restaurazione. Rome, 1999*; *Seif U. Droit et justice retenue: sur les origines de la garantie du "juge naturel" en dehors des théories de la séparation des pouvoirs du XVIIe au XIXe siècle // Revue historique de droit français et étranger. 2005. P. 215–245*; *Eadem. Der gesetzliche Richter ohne Rechtsstaat? Eine historisch-vergleichende Spurensuche. Berlin, 2007*; *Picardi N. Le Juge Naturel: principe fondamental à niveau européen // Revue internationale de droit comparé. 2010. N LXII. P. 27–73.*

соблюдения компетенции и порядка юрисдикций, запрещая все изменения, вносимые *post factum* в «естественное правосудие», т.е. в решения органов правосудия, компетенция которых утверждалась либо прежними законами, либо обычным правом. Прилагательное «естественный» подразумевало идею соответствия этого правосудия «естественному праву», и это придавало ему определенный характер «сакральной» силы.

Следует отметить, что дурная слава, которая окружала «удержанное правосудие», происходила главным образом из-за периодического использования французскими королями права на эвокацию и на создание комиссий в политических целях. Изменяя порядок судебных учреждений, они влияли на решения по гражданским и особенно уголовным судебным делам. В действительности, «удержанное правосудие» должно было считаться средством, применяемым верховной властью для исправления нарушений функционирования судебной системы. Обращение к королю также позволяло исполнять королевскую функцию «справедливого судьи», которая, в первую очередь, благодаря средневековой доктрине справедливости (*aequitas*), являлась частью основных полномочий суверена. Справедливость (*aequitas*) могла преступать право (*ius strictum*), позволяя королю исправлять судебные решения, которые были бы признаны «несправедливыми». Стоит напомнить, что даже «подача кассационной жалобы», предусмотренная законом от 27 ноября – 1 декабря 1790 г., который устанавливал Кассационный Трибунал, происходила из традиции «удержанного правосудия» Старого порядка²⁷. Некоторые институты, произошедшие от удержанного правосудия, «такие как эвокация, в большей степени кассация и, с другой стороны, административное право, были до такой степени упорядочены и формализованы, что в них, освобожденных от любых подозрений в произволе, перестали видеть связь с личным решением короля»²⁸.

«Удержанное правосудие» не было непременно связано с произволом, но широта функций и отсутствие ограничения полномочий короля как верховного судьи подчас вели к его вырождению. Представления о его вырождении вызывались использованием в политических целях «*lettres de cachet*» и чрезвычайных поручений. Таким образом, хотя применение «удержанного правосудия» было совершенно законным, оно часто подвергалось открытой критике со стороны правоведов, Генеральных Штатов и парламентов.

Пер. с франц. А.А. Майзлиш

²⁷ Halpérin J.-L. Le Tribunal de cassation et les pouvoirs sous la Révolution (1790–1799). P., 1987.

²⁸ Villers R. La justice retenue... P. 95.